

УДК 82

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-149-157

## МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В РОМАНАХ «ОБИТЕЛЬ» З. ПРИЛЕПИНА И «ДЕТИ МОИ» Г. ЯХИНОЙ

**Сапунова И. П.***Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1., Российская Федерация*

### Аннотация

**Цель.** Охарактеризовать стратегии и основные формы мифопоэтического осмысления истории в романах «Обитель» З. Прилепина и «Дети мои» Г. Яхиной.

**Процедура и методы.** С опорой на устоявшиеся в науке принципы сравнительного, мифопоэтического и герменевтического подходов к изучению художественной литературы исследовательское внимание в статье обращено прежде всего на персонажный уровень текста как наиболее репрезентативный для достижения поставленной цели: с образами героев сопряжены мифологемы, которые задают основу для построения собственно авторского неомифа.

**Результаты.** В ходе анализа установлено, что авторы обоих произведений стремятся осмыслить историю не только частную и национальную, но и общечеловеческую, а миф, будучи символической формой универсализации, помогает эту интенцию реализовать с помощью разных моделей. На конкретном материале выявлены следующие неомифологические стратегии: создание эсхатологического мифа о Соловках в одном случае и мифологического хронотопа поволжского Гнаденталя – в другом. При этом у Прилепина заметно усиление историософской составляющей романа, а у Яхиной мифопоэтизация истории служит, скорее, орнаментальным обрамлением, метафорически воплощаясь в сюжете.

**Теоретическая и/или практическая значимость.** Полученные результаты расширяют теоретические представления о способах функционирования мифа в русском романе XXI в., где внимание авторов обращено к началу советской эпохи – времени, представляющему самостоятельный научный интерес с точки зрения мифологизации истории, а также намечают перспективы в изучении авторских неомифов в современной литературе.

**Ключевые слова:** архетип, инициация, миф, немцы Поволжья, Соловки

## MYTHOPOEICAL COMPREHENSION OF HISTORY IN THE NOVELS “THE ABODE” BY Z. PRILEPIN AND “MY CHILDREN” BY G. YAKHINA

**I. Sapunova***Lomonosov Moscow State University  
Leninskie Gory 1., Moscow 119991, Russian Federation*

### Abstract

**Aim.** To characterize the strategies and main forms of mythopoetic understanding of history in the novels “The Abode” by Z. Prilepin and “My Children” by G. Yakhina.

**Methodology.** Based on the established scientific principles of comparative, mythopoetic and hermeneutic approaches to the study of fiction, research attention in the article is drawn primarily to the character level of the text as the most representative one for achieving the goal: mythologemes are associated with the images of heroes, which set the basis for the construction of the author's own neomyth.

**Results.** The analysis established that the authors of both works strive to comprehend not only private and national history, but also universal history, and myth, being a symbolic form of universalization,

helps to realize this intention with the help of different models. Based on specific material, the following neo-mythological strategies have been identified: the creation of an eschatological myth about Solovki in one case, and a mythological chronotope of the Volga Gnadenthal in another. At the same time, Prilepin noticeably strengthens the historiosophical component of the novel, while in Yakhina, the mythopoeticization of history serves rather as an ornamental frame, metaphorically embodied in the plot.

**Research implications.** The results obtained expand the theoretical understanding of the ways in which myth functions in the Russian novel of the 21st century, where the authors' attention is drawn to the beginning of the Soviet era – a time of independent scientific interest from the point of view of the mythologization of history, and also outline prospects in the study of the author's neo-myths of modern literature.

**Keywords:** archetype, initiation, myth, Volga Germans, Solovki

### Введение

Мифопоэтические исследования на материале современной русской литературы – одна из активно разрабатываемых в науке областей. Под мифопоэтикой в данном случае понимается подход «к литературным реалиям разного масштаба (от отдельного образа до литературного течения), предполагающий в том или ином смысле рассмотрение их под мифологическим углом зрения»<sup>1</sup>. Мифопространство – это «широко используемый ресурс обновления, трансформации мотивов, тем, образов, которые восходят к традициям античной, библейской и национальных культур» [8, с. 87]. Однако по преимуществу разыскания учёных носят историко-литературную направленность и обращены к постмодернистской линии художественного использования мифа (в текстах П. Крусанова, Д. Липскерова, В. Пелевина, Т. Толстой и др.), в которой мифологический материал используется не в качестве эталона, а «для ассоциативных вариаций современных социокультурных и эстетических проблем» [11, с. 115]. При этом в основном осмысливается либо позднее советское время, либо будущее России (см., в частности, труды И. Н. Зайнуллиной [4], А. С. Меркуловой [7], О. Ю. Осьмухиной [9], А. С. Торосян [13]). Между тем до сих пор отсутствуют системные теоретические представления о способах функционирования мифа в русском романе XXI в.,

где внимание авторов обращено к началу советской эпохи – времени, представляющему самостоятельный научный интерес с точки зрения мифологизации истории [10]. В данной связи актуализируется не только насущность идентификации непреходящих ценностей на фоне дестабилизирующих сознание личности и общества социально-политических событий русской истории XX в., но также общегуманитарная проблема сохранения и трансляции культурной памяти. Жанр романа, как известно, одна из самых гибких литературных форм передачи и воссоздания исторических смыслов, которая, по словам М. М. Бахтина, «возрождается и обновляется ... в каждом индивидуальном произведении данного жанра» [3, с. 179].

В центре нашего внимания – романы «Обитель» (2014) З. Прилепина и «Дети мои» (2018) Г. Яхиной. Произведения сближают прежде всего проблематика и время изображаемых событий: они представляют один и тот же конфликт – взаимодействие личности и власти при тоталитарном режиме в 1920–1930-е гг., а также наряду с этим черты реалистической эстетики, с одной стороны, и мифопоэтическая составляющая – с другой. Под мифопоэтизацией истории здесь будем понимать определённую модальность переосмысления реальности разными способами, среди которых фрагментарное, выборочное описание исторического прошлого, синкретизм в реконструкции различных периодов, смешение пластов истории с мифами, фольклором и художественной словесностью.

<sup>1</sup> Мифопоэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагинной; Intrada, 2008. С. 124.

Несмотря на очевидное исследовательское внимание к каждому из этих текстов [2; 5; 15; 16], специальные сопоставительные работы о них отсутствуют, если иметь в виду анализ стратегий и форм авторского осмысления истории в мифопоэтическом ракурсе. Далее мы остановимся только на персонажном уровне указанных произведений как наиболее показательном: с образами героев сопряжены мифологемы, которые задают основу для построения собственно авторского неомифа.

### Мифологемы в образах персонажей

Начнём с имплицитных мифологических элементов. Главный герой «Обители» Артём Горяинов попадает в лагерь, совершив тяжкий грех отцеубийства, и часть эпизодов романа раскрывает его сложное отношение к Богу, обнаруживая связь с библейскими параллелями. Артём бросает вызов судьбе, находясь между верой и безверием, ищет свой путь к спасению, но не находит: «Бог есть, но он не нуждается в нашей вере. Он как воздух»<sup>1</sup>; «Бог отец. А я отца убил. Нет мне теперь никакого Бога. Только я, сын. Сам себе Святой Дух»<sup>2</sup>. Как и в сюжете об Аврааме, у Прилепина возникает мотив родственного убийства. Но если Авраам был готов принести в жертву сына, то Артём убил отца: «как овце, взрезал горло своему отцу»<sup>3</sup>. Страстный призыв Артёма, сидящего в лодке посреди моря, – аллюзия на молящегося Иону во чреве кита: «Господи, ... рассмотри меня сквозь темноту. Рядом со мной женщина – рассмотри и её. ... я не готов ответить за её прошлое, но готов разделить её будущее»<sup>4</sup>. В этой отчаянной мольбе спасти не только себя, – казалось бы, попытка героя приблизиться к Богу. Однако никакого раскаяния он не испытывает («Я здесь случайно ... без должной вины»<sup>5</sup>) и потому спасения свыше не получает – побег проваливается. Параллель

с Ионой усиливается возникшим иррациональным ощущением у Артёма, будто они с Галиной плывут в «огромную раскрытую пасть»<sup>6</sup> к киту: Соловки не отпускают героев. Примеры асимметричного варьирования библейских параллелей связаны с грехом и его искуплением, а через образ Артёма они также отсылают к библейскому сюжету об изгнании из Рая.

В свою очередь Яхина при создании образов персонажей основной сюжетной линии романа «Дети мои» использует прецедентные имена деятелей немецкой культуры: Бах, Белль, Гаусс, Гримм. Главный герой вынужден записывать предания и сказки, которые передаются. Тем самым он становится пророком-демиургом, воздействуя на реальность магией слова, оказываясь посредником между старым сказочно-мифическим миром этнических немцев и новой советской действительностью [12, с. 298]: «Написанное – сбывалось. Начертанное карандашом Баха на дрянной волокнистой бумаге – происходило в Гнадентале. Иногда напрямую воплощаясь в реальность, иногда лишь мимолётно отражаясь в ней – но происходило непременно, неминуемо»<sup>7</sup>. С другим персонажем, партийным активистом Гофманом, связаны необычные условия появления на свет: он рождается в угольных копях, фактически из подземелья, где в немецких сказках обычно живут гномы [12, с. 299]. Лицо у него было как у прекрасной девушки, а тело – изуродованного горбуна: «Не лицо – лик, тонкий и нежный, какой можно увидеть лишь на иконе. ... Дева была юна, об этом говорили и гладкость кожи, и мягкость черт; взгляд же был столь взросл и печален, что мог принадлежать старику. ... Тело – словно скручено лихой пляской: правое плечо смотрело вниз и немного назад, а левое – вверх и вперёд. ... Да вовсе и не дева то была – мужичонка, маленький ростом и широкий в кости, изувеченный какой-то болезнью, по

<sup>1</sup> Прилепин З. Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 689.

<sup>2</sup> Там же. С. 665.

<sup>3</sup> Там же. С. 485.

<sup>4</sup> Там же. С. 614.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 613.

<sup>7</sup> Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 100.

нелепой прихоти судьбы наделённый прекрасным девичьим лицом»<sup>1</sup>.

Гофман привносит в жизнь деревни черты советской эпохи, которая сама по себе мифологизирована, насаждая веру в «религию» коммунизма: «Порой он напоминал Баху безумного муравья, одержимого идеей строительства: за два года под началом Гофмана было возведено, отремонтировано и переделано под нужды социалистического быта небывалое количество строений. Изба-читальня. Клуб (с уголками: политическим, военным, аграрным и даже культурным, где имелись астрольбия, подзорная труба и старый граммофон с дюжиной пластинок – наследство канувшего в лету мукмола Вагнера). Школа, детский сад, ясли (везде – агитация, портреты вождей, красная и чёрная доски со сводками урожая)»<sup>2</sup>.

Если трактовать образ Гофмана как выразителя идей большевиков в романе, то противопоставление красоты лица безобразию тела прямо соотносится с внешней привлекательностью советской идеологии (справедливости, равенства) и уродствами, возникшими при её внедрении в жизнь. Вместе с тем Гофман реализует аллюзию на известную сказку «Крошка Цахес»: подобно карлику Цинноберу, он приписывает чужие заслуги (написание агитационных сказок Баха) себе: «Сказки читались – “для должного воспитания подрастающего поколения” – в детском саду и школе; служили текстами диктантов и изложений, материалом для детских инсценировок и пионерских спектаклей в местном клубе. Сказки были основой политической агитации»<sup>3</sup>. Смерть Гофмана и уход персонажа в Волгу – асимметричная аллюзия на библейский миф о крещении. Но если Иоанн Креститель окунал людей в Иордан, символизируя этим начало новой жизни, то атеист Гофман после бунта в деревне идёт в реку, чтобы умереть [12, с. 299].

Как видно, у обоих писателей герои обретают не спасение, как в библейских сю-

жетах, а смерть, оказываясь богооставленными. Их судьбы осмысляются через вовлечение в процесс инициации. Так, уход Баха из Гнаденталя переносит его из привычного мира поволжской деревни в колдовское пространство хутора, а духовное одиночество после смерти жены приводит к полной немоте. Наконец, советская власть забирает у него детей, оставляя героя умирать. Фазой ритуально-символической смерти и воскресения в новом качестве становится пребывание Баха в мире мёртвых [12, с. 298]: «Организм Баха, более не скованный границами тела, разрастался пошире и вдале – течением его разносило по дну, от истоков Волги и до её устья»<sup>4</sup>. Персонаж обретает себя и перерождается, получая в финале произведения способность говорить. Страх, сопровождавший его при жизни, уходит: «Он осознал ясно, что не боится больше ни жестокосердных односельчан, ни суровых киргизов. Ни голода, ни войны, ни бродяг-лиходеев. Ни потери любимой женщины, ни бессмысленности своего труда. Ни даже ухода детей. Всё это уже было в его жизни. Случилось – и ушло, утекло в Волгу. И страха – не стало»<sup>5</sup>.

Свою инициацию проходит и Артём. Существование героя циклично. От одного испытания к другому он как будто умирает и рождается вновь: «Сколько же раз меня убивали? ... – Не сосчитать! Меня зарезали блатные. Меня сгноили на балахах. ... Меня утопило море, и то, что мама гладила по голове, съели рыбы. Я медленно умер от холода и от голода. С чего бы мне опять умирать? Больше нет моей очереди, я свою очередь десять раз отстоял!»<sup>6</sup> И смерть героя выглядит лишь временной, мнимой, т. к. упоминание о ней даётся в документальной части произведения, а затем в «эпилоге» повествование возвращается к начальной сцене романа сбора ягод в лесу, где Артём снова показан живым, и это – начало ещё одного жизненного цикла.

<sup>1</sup> Там же. С. 164.

<sup>2</sup> Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 252.

<sup>3</sup> Там же. С. 254.

<sup>4</sup> Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 483.

<sup>5</sup> Там же. С. 441.

<sup>6</sup> Прилепин З. Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 664.

### Психоаналитическая интерпретация персонажей

Главные герои Прилепина и Яхиной пребывают в столкновении с жестокой реальностью тоталитарного режима, но если Бах выходит из этой борьбы свободным, потеряв всё, что ему близко и дорого, то Артём, жизнь которого оказалась «разрублена лопатой, как червь»<sup>1</sup>, не обретает ни свободы, ни любви, ни веры. Он проходит разные этапы индивидуации – процесса «развития психологического индивида как существа, отличного от общей, коллективной психологии» [17, с. 158], живёт «без креста и без хвоста»<sup>2</sup>, полагаясь лишь на свою удачу и находясь в шаге от смерти («Не по плису, не по бархату хожу, а хожу-хожу по острому ножу ...»<sup>3</sup>): Артёма обещают убить блатные, но герой неожиданно попадает в спортивную роту, становясь приближённым начальника лагеря Эйхманиса, заводит роман с его любовницей Галиной и избегает расстрела. Двуличность, игра со смертью, инфантилизм, отсутствие опоры в жизни и приспособляемость позволяют увидеть в нём архетипические черты Трикстера – персонажа, чей дух бессознательного соединяет противоположности [14, с. 29], с одной стороны, а с другой – Ребёнка с его подсознательным желанием спрятаться: «Нет, как бы всё-таки сделать, чтоб меня забыли»<sup>4</sup>. Подобно древнегреческому морскому божеству Протею, Артём меняет свои роли-маски в лагере, подстраиваясь под любые условия, что соответствует проявлению архетипа Персоны – набора социальных черт и обязанностей [1, с. 113–143]. По ходу романа герой занимается разнообразной деятельностью: таскает брёвна на озере, участвует в спартакиаде, работает сторожем в лаборатории и ухаживает за лисами на острове. Когда Артём ждёт смерти в камере и заключённых расстреливают одного за другим, в последней попытке раскаться приговорённые устраивают массовую ис-

поведь. В этот момент перед героем, слышащим жуткие признания сокамерников («Я зарезал жену!»<sup>5</sup>, «Задушил ребёнка!»<sup>6</sup>) открывается ад, который он носит в душе: «Полезли невесть откуда всякие ... жабы и слизняки, скорпии и глисты ...»<sup>7</sup> Из всех лагерников только Артём отказывается казаться: «Я здесь! Я! Какое богатство у меня! Всё как в репьях!»<sup>8</sup> Данный эпизод можно интерпретировать как встречу героя с собственной Тенью, теми личными качествами, в которых человек не хочет признаться себе и потому не способен их преодолеть [18, с. 195]. Физическое существование для Артёма важнее духовного: «ну, душа, ну, ад – положил одно слово на одну ладонь, второе на другую – веса никакого нет в них ... картошка с треской весит больше, чем совесть, а клопы наглядней ада»<sup>9</sup>. Индивидуация не может быть завершена вне процесса обособления, а в конце сюжета герой, напротив, сливается с массой настолько, что его имя забывают. Нераскаянная личность нивелируется: «Всё в лице Артёма стало мелким ... сам пропал, как будто его потянули за нитку и распустили»<sup>10</sup>.

Использование архетипов – одно из частных проявлений мифопоэтического осмысления истории. Само понятие «архетипа» понимается как некая рамочная конструкция, «форма без содержания, представляющая скорее возможность ... действия» [6, с. 72], на которую наслаиваются более поздние по времени смыслы (собственно мифологические, религиозные, национально или исторически обусловленные), его применение методологически продуктивно для характеристики героя и его сюжетной роли. В «Обители» не только Артём обладает особым взглядом на мироустройство и соответствующей моделью поведения.

Так, для Василия Петровича, бывшего белогвардейца, пытавшего людей во вре-

<sup>1</sup> Прилепин З. Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 687.

<sup>2</sup> Там же. С. 563, 331.

<sup>3</sup> Там же. С. 329.

<sup>4</sup> Там же. С. 334.

<sup>5</sup> Там же. С. 563.

<sup>6</sup> Там же. С. 563.

<sup>7</sup> Там же. С. 565.

<sup>8</sup> Прилепин З. Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 562.

<sup>9</sup> Там же. С. 430.

<sup>10</sup> Там же. С. 686.



мя войны, Соловки – это попытка уйти от прошлого. Он становится наставником Артёма, учит его выживанию, воспроизводя архетип Мудрого Старика: «в каждом слове милейшего Василия Петровича были разлиты ... доброта, и лукавство, и новоявленные мудрости соловецкого жития»<sup>1</sup>. А владычка Иоанн в соответствии с архетипом Отца проповедует раскаяние и всепрощение, по-отчески относясь к Артёму и к другим лагерникам: «Возле него как-то остро чувствуется, что все мы – дети»<sup>2</sup>. Другой пример – фигура начальника лагеря, для которого Соловки – это «лаборатория», место «перековки» человека в новую веру. Эйхманис появляется на коне с шашкой в руках, опуская всех на колени («Строй повалился так, словно всем разом подрезали ... несколько тысяч сухожилий одной беспощадной бритвой»<sup>3</sup>) и ассоциируется сразу с несколькими образами. Подобно всаднику Апокалипсиса, несущему разрушение и хаос в мир, Эйхманис вносит в ряды заключённых смуту и насилие: «Кто-то орал, кто-то плакал, кто-то выл, кто-то истерично вопрошал: “За что, начальник?”»<sup>4</sup> Вместе с тем к архетипу Тени отсылает проявление подавленных, примитивных, тёмных сил натуры Эйхманиса, образ которого связан с фольклорно-мифологическим началом: «Дождь сделал ещё круг и ушёл куда-то под красные крыши»<sup>5</sup>, «Чайки уже не просто кричали, а дразнились то человеческими, то звериными голосами»<sup>6</sup>, «Земля бурлыкала пузырями, словно вскипая»<sup>7</sup>.

Тем самым через судьбы персонажей обнаруживаются разные грани соловецкого бытия как отдельные мифологемы, связанные со страданием человека и формирующие единый эсхатологический миф. С помощью образа Артёма, напомним, актуализируется мифологический сюжет об из-

гнании из Рая, Владычка Иоанн и Василий Петрович воспринимают жизнь в лагере как место для раскаяния – своего рода Чистилище, а для Эйхманиса Соловки – место, где человек освобождается от убеждений прошлой жизни. Существование героев в обители экзистенциально, и она становится не только пространством реализации возможных типов поведения людей (за счёт архетипичности образов), но моделью жизни всей страны и её истории как набора повторяющихся ситуаций, существующих в коллективной памяти.

В отличие от Прилепина, Яхина не использует героев для синтеза единого эсхатологического мифа. Образы Баха и Сталина, находясь в параллельных сюжетных плоскостях, заключают в себе один и тот же архетип Отца и в этой роли противопоставлены друг другу. Отметим, что в романе Сталин не назван по имени, и его место в системе персонажей меняется. В первом эпизоде подчёркнуто, что Сталин в доме Ленина не друг, не соратник, а «гость», специально приехавший слушать дыхание умирающего [12, с. 302]. Образ вождя лишён человеческих черт и только функционально участвует в создании политического мифа. Возникает параллель предсмертной немоты и неподвижности Ленина со смертью его идей: «... умирает среди этого дешёвого великолепия вовсе не вождь. Это она лежит сейчас под белой, словно уже погребальной простынёй; сидит и стонет устало – идея мировой революции»<sup>8</sup>. Сцена метафизической передачи власти напоминает древний миф об умирающем и воскресающем боге: «Гость смотрел в окно на гаснущий закат и слушал»<sup>9</sup>.

К архетипу Отца в образе Сталина («отца народов», в том числе немцев поволжской республики) отсылает прежде всего название романа «Дети мои». Другая ипостась образа – тиран и убийца. Автор последовательно использует сюжетную тактику пересечения личности вождя с внезапно возникающим миром гротеска и аберра-

<sup>1</sup> Прилепин З. Обитель. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 307.

<sup>2</sup> Там же. С. 66.

<sup>3</sup> Там же. С. 406.

<sup>4</sup> Там же. С. 404.

<sup>5</sup> Там же. С. 405.

<sup>6</sup> Там же. С. 406.

<sup>7</sup> Там же. С. 405.

<sup>8</sup> Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 130.

<sup>9</sup> Там же. С. 129.

ций. В эпизоде приезда в Немреспублику Сталин ощущает себя великаном среди карликов [12, с. 302]. Сцена игры в бильярд превращается для него в соперничество с Германией, а партнёр – в Гитлера, и кажется, что «по краю стола уже ползло лицо фюрера»<sup>1</sup>. Убеждённость в собственном величии перерастает в страх перед возможными предателями: «Даже среди своих, ручных советских немцев оказалось в полтора раза больше врагов – вот она, благодарность Немреспублики своему крёстному отцу!»<sup>2</sup>

Антитезой верховному правителю выступает Бах – маленький человек, который преодолевает разные страхи, включая страх исторических событий, инициированных вождём, и освобождается от них только с окончанием жизни. Путь психологических изменений вождя зеркальный к страху. Сопоставление двух образов в романе заострено: один отец ради двух неродных детей жертвует практически всем, а второй отказывает в родительской заботе целым народам.

### Заключение

В тексте Яхиной мифопоэтика становится предметом изображения. По признанию автора, «германская сказка, германская мифология ... главная метафора романа»<sup>3</sup>, который повествует «о том, что советская сказка почти сбылась и что было такое время, когда казалось всем людям, живущим в стране, что эта сказка сбудется»<sup>4</sup>. Что же касается образа вождя, то он «выступает в романе своеобразным великаном, который тяжёлой поступью шагает по стране, а под ногами у него – люди, деревни, целые народы»<sup>5</sup>.

Отношение Прилепина к прошлому страны менее однозначно: «Мне хотелось увидеть и рассказать эту историю вне политических взглядов – левых, правых, советских, антисо-

ветских. Я сначала начал писать небольшую вещь, просто ряд человеческих историй. А потом эти люди из сводок, документов, переписок, дневников вдруг каким-то образом начали оживать. И я начал на них внутренне реагировать, стал понимать, что я должен за них замолвить слово. И передо мной возник страшный и удивительный клубок противоречивых судеб. Потому что не было простого разделения “вот – репрессированные, а вот – палачи”, всё было гораздо сложнее. ... Роль палача не была чьим-то выбором. Вот я решил: “Стану палачом” – и стал. А он решил: “Стану жертвой”. Ты мог оказаться и там, и там. Всё происходило очень сложно, трудно. Вот эта сложность рисунка человеческой судьбы завораживала меня больше всего»<sup>6</sup>.

В обоих случаях писательский замысел подпитывался желанием рассказать историю не только частную или национальную, но и общечеловеческую, а миф, будучи символической формой универсализации, помог эту интенцию воплотить. Благодаря анализу персонажного уровня выявляются собственно авторские неомифологические стратегии: создание эсхатологического мифа о Соловках – в одном случае, и мифологического хронотопа поволжского Гнаденталя – в другом. При этом мифопоэтическое осмысление истории реализуется по нескольким моделям. У Прилепина, например, мифопоэтизация истории служит усилению историософской составляющей романа (его метафизическое пространство превалирует над реальным), а у Яхиной она является, скорее, орнаментальным обрамлением, метафорически воплощаясь в сюжете. В перспективе изучения авторских неомифов целесообразно расширить сопоставительные выводы с учётом анализа системы мотивов и хронотопа двух произведений в аспекте формирования мифологической картины мира.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2024.*

<sup>1</sup> Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 418.

<sup>2</sup> Там же. С. 465.

<sup>3</sup> Яхина Г. Ш.: интервью [Электронный ресурс]. URL: <https://govoritmoskva.ru/interviews/2241> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Прилепин: интервью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2014/11/26/prilepin.html> (дата обращения: 01.04.2024).

## ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 113–143.
2. Александрова М. В., Антонен В. А. Пространство «Обители» как основание бытия в романе З. Прилепина // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 312–317.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. 533 с.
4. Зайнуллина И. Н. Миф в русской прозе конца XX–начала XXI веков: дис. ... д–ра филол. наук. Казань, 2004. 177 с.
5. Лисенкова О. А. Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности / отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2020. С. 385–394.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2021. 480 с.
7. Меркулова А. С. Миф о городе в современной русской прозе: романы Д. Липскерова «Сорок лет Чанчжоэ» и Ю. Буйды «Город Палачей»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 203 с.
8. Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I) / А. А. Козин, Н. А. Литвиненко, И. Е. Лунина, О. Н. Редина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 85–94.
9. Осьмухина О. Ю. Мифопоэтическое пространство отечественного романа рубежа XX–XXI вв. (на материале прозы В. Пелевина и Д. Липскерова) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 123–126.
10. Полякова Н. А. Формы представления советской культуры в прозе российского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 158 с.
11. Рытова Т. А., Щипкова Е. А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX–начала XXI в // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4. С. 115–128.
12. Сапунова И. П. Мифопоэтика как способ осмысления истории в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Текст. Исследования молодых учёных. Т. 2 (5) / ред. А. А. Липгарт, Ю. Л. Оболенская. М.: Макс Пресс, 2021. С. 297–304.
13. Торосян А. С. Мифопоэтика Павла Крусанова: (генезис и структура): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 150 с.
14. Франц М.-Л. Архетипические паттерны в волшебных сказках / пер. В. Мершавки. М.: Класс, 2007. 256 с.
15. Шафранская Э. Ф. Фольклор как сюжетобразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 101–110.
16. Шахова Л. А. Лингвопоэтика мифа в романе З. Прилепина «Обитель» [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 42. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56961.htm> (дата обращения: 15.04.2024).
17. Юнг К. Г. Психологические типы / пер. С. Лорие. М.: Академический Проект, 2019. 538 с.
18. Юнг К. Г. Человек и его символы / пер. В. В. Зеленский. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2020. 403 с.

## REFERENCES

1. Averintsev S. S. [“Analytical Psychology” by K. G. Jung and the Customs of Creative Fantasy]. In: *Voprosy literatury* [Literary Issues], 1970, no. 3, pp. 113–143.
2. Aleksandrova M. V., Antonets V. A. [The Space of the “Abode” as the Basis of Being in Z. Prilepin’s Novel]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2015, no. 4, pp. 312–317.
3. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Poetics]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2002. 533 p.
4. Zainullina I. N. *Mif v russkoj proze konca XX–nachala XXI vekov: dis. ... d–ra filol. nauk* [Myth in Russian Prose of the Late 20<sup>th</sup> – Early 21<sup>st</sup> Century: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2004. 177 p.
5. Lisenkova O. A. [Mythical and Profane Time in the Novel “My Children” by Guzel Yakhina]. In: *Paradigmy kul’turnoj pamyati i konstanty nacional’noj identichnosti* [Paradigms of Cultural Memory and Constants of National Identity]. Nizhny Novgorod, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky Publ., 2020, pp. 385–394.



6. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2021. 480 p.
7. Merkulova A. S. *Mifo gorode v sovremennoj russkoj proze: romany D. Lipskerova "Sorok let Chanchzhoe" i Yu. Bujdy "Gorod Palachej": dis. ... kand. filol. nauk* [The Myth of the City in Modern Russian Prose: Novels by D. Lipskerov "Forty Years of Changzhoe" and Yu. Buida "The City of Executioners": Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 203 p.
8. Kozin A. A., Litvinenko L. A., Lunina I. E., Redina O. N. [Mythogenic and myth-making potential of images in foreign literature of the 19<sup>th</sup> century. Romanticism (Part I)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 4, pp. 85–94.
9. Osmukhina O. Yu. [Mythopoetic space of the Russian novel at the turn of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries (based on the prose of V. Pelevin and D. Lipskerov)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of N. I. Lobachevsky City University], 2013, no. 4 (2), pp. 123–126.
10. Polyakova N. A. *Formy predstavleniya sovetskoj kul'tury v proze rossijskogo postmodernizma: dis. ... kand. filol. nauk* [Forms of representation of Soviet culture in the prose of Russian postmodernism: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Perm, 2011. 158 p.
11. Rytova T. A., Shchipkova E. A. [The Problem of Studying Mythologism and the Plot of a Myth as an Element of Plot Structure in Russian Prose of the Late 20<sup>th</sup> – Early 21<sup>st</sup> Centuries]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2012, no. 4, pp. 115–128.
12. Sapunova I. P. [Mythopoetics as a Way of Understanding History in G. Yakhina's Novel "My Children"]. In: *Tekst. Issledovaniya molodykh uchyonnyh. T. 2 (5)* [Text. Research of Young Scientists. Vol. 2 (5)]. Moscow, Maks Press Publ., 2021, pp. 297–304.
13. Torosyan A. S. *Mifopoetika Pavla Krusanova: (genezis i struktura): dis. ... kand. filol. nauk* [Mythopoetics of Pavel Krusanov: (Genesis and Structure): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2016. 150 p.
14. Franz M.-L. Archetypal Patterns in Fairy Tales (Rus. ed.: Merzhavki V., transl. *Arhetipicheskie patterny v volshebnykh skazkah*. Moscow, Klass Publ., 2007. 256 p.).
15. Shafranskaya E. F. [Folklore as a plot-forming concept in Guzel Yakhina's Novel "My Children"]. In: *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal* [Palimpsest. Literary journal], 2019, no. 2, pp. 101–110.
16. Shakhova L. A. [Lingvopoetics of myth in the novel by Z. Prilepin "Abode"]. In: *Koncept: nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal* [Concept: scientific and methodological electronic journal], 2016, vol. 42. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56961.htm> (accessed: 15.04.2024).
17. Jung C. Psychological Types (Rus. ed.: Lorie S. *Psihologicheskie tipy*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2019. 538 p.).
18. Jung C. Man and His Symbols (Rus. ed.: Zelensky V. V. *Chelovek i ego simvol*. Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2020. 403 p.).

---

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапунова Ирина Павловна – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;  
e-mail: [irina\\_sapunova@list.ru](mailto:irina_sapunova@list.ru)

### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina P. Sapunova – Postgraduate Student, Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;  
e-mail: [irina\\_sapunova@list.ru](mailto:irina_sapunova@list.ru)

---

### ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапунова И. П. Мифопоэтическое осмысление истории в романах «Обитель» З. Прилепина и «Дети мои» Г. Яхиной // Отечественная филология. 2025. № 1. С. 149–157.  
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-149-157

### FOR CITATION

Sapunova I. P. Mythopoeical Comprehension of History in the Novels "The Abode" by Z. Prilepin and "My Children" by G. Yakhina. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 1, pp. 149–157.  
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-149-157